

ОЛЬГА ВАЛЕНТИНОВНА ЛОМАКИНА

доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
(Москва, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-0298-5678; lomakina-ov@rudn.ru

АЙХУЭЙ У

аспирант кафедры иностранных языков филологического факультета
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
(Москва, Российская Федерация)
ORCID 0009-0008-8769-2316; wuaihui123@gmail.com

ВЕНИК КАК КУЛЬТУРНЫЙ СИМВОЛ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПАРЕМИЙ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ

А н н о т а ц и я . Представлен лингвокультурологический анализ паремий русского и китайского языков с компонентом *веник* с целью выявления символических функций и культурного кода веника как артефакта, широко используемого в быту. Анализ проводится с позиций лингвокультурологии и этнокультурологии, что позволяет выявить культурную информацию, ритуальное назначение и сакральные функции, отраженные в рассматриваемых паремиях. Материалом исследования послужила авторская картотека, сформированная методом сплошной выборки паремий из лексикографических источников и паремиологических изданий. Методы исследования: дефиниционный, семантический и лингвокультурологический анализ, интерпретативный и описательный методы. Результаты исследования показывают, что веник является предметом обихода, обладающим функциональной многозначностью: он предстает как объект с множеством наложенных на него смыслов, начиная от утилитарной (уборочной) функции и заканчивая деструктивной, магической, продуцирующей, защитной и аксиологической функциями. В ходе анализа рассматриваются устойчивые фольклорные традиции, существующие в России и Китае, в которых веник связывается с идеями порядка и беспорядка, добра и зла, здоровья и болезни, жизни и смерти. Параллельное рассмотрение китайского материала позволяет выйти за пределы национальной ограниченности и выявить универсальные когнитивные механизмы символизации метлы как ключевого элемента, способствующего раскрытию культурных ценностей: от личной ответственности до небесного порядка.

К л ю ч е в ы е с л о в а : фразеологизм, пословица, русская культура, китайская культура, веник, лингвокультурологический анализ

Д л я ц и т и р о в а н и я : Ломакина О. В., У Айхуэй. Веник как культурный символ: лингвокультурологическое исследование паремий русского и китайского языков // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 3. С. 17–25. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1296

ВВЕДЕНИЕ

Исследование повседневных предметов обихода как артефактов, обладающих символическим значением и отражающих глубинные культурные коннотации, ценности и мировоззренческие ориентиры различных народов, находится в центре внимания современных лингвистических дисциплин. Так, О. В. Ломакина отмечает роль лексем, получающих символическое наполнение при появлении

устойчивых единиц [3: 205]. В процессе исторического развития многие утилитарные объекты становились не только необходимыми элементами быта, но и важнейшими знаками культуры, воссоздающими национальную картину мира. Одним из таких объектов можно считать *веник* – предмет, который, на первый взгляд, воспринимается с точки зрения важности своего практического назначения в хозяйстве, но в народном мировоззрении оказывается наделен

сложной системой символических и ритуальных значений.

В русской традиционной культуре веник издавна выполняет не только хозяйственную, но и сакральную функцию. Как символ очищения, защиты, обновления он становится неотъемлемой частью многочисленных обрядов. Кроме того, веник является смыслообразующим компонентом различных паремий, а также связан с рядом запретов и магических манипуляций. Веник может быть как оберегом, так и орудием нечистой силы, выступая в народном сознании в роли медиатора между мирами – чистым и нечистым, живым и мертвым. Подобная многозначность делает данный предмет особенно интересным для междисциплинарного анализа, к исследованию которого в своих работах обращались многие ученые: Л. Н. Виноградова и С. М. Толстая (1993, 1995), Н. Х. Варданян (2022), З. А. Заврумов, А. В. Моногарова, В. Н. Страусов (2023). В китайской культурной традиции функциональным аналогом веника становится *метла*, также наделяемая особым символическим кодом, однако в рамках иного цивилизационного подхода. Основными исследователями, занимающимися изучением народных верований и обрядов, связанных с метлой, являются Линь Чжопин (2003) и Ян Линь (2006), альтернативные подходы к осмыслению культурного значения метлы, расширяющие понимание этого феномена, предлагаются в работах Сюй Шэня, Дуань Юйцзя, Чэнь Сяофана (2004), процесс превращения метлы в символ и знак божественной власти рассматривается Ли Сяньхуэй (2008), сопоставительный анализ культурных коннотаций образа метлы в произведениях китайской и западной литературы проводится в статьях Ли Со и Му Цзин (2012). Китайская национальная картина мира включает представления о метле как инструменте поддержания морального и государственного порядка, символе социальной ответственности, гармонии и меры, что выражается как в традиционных практиках, так и в устойчивых единицах, изучение которых китайскими учеными пока не проводилось, что подтверждает актуальность данного исследования.

Цель работы – выявление и систематизация символических функций веника как культурного знака (кода) на примере устойчивых единиц русского и китайского языков посредством лингвокультурологического анализа.

Актуальность обращения к символике веника объясняется необходимостью более глубокого осмысления того, каким образом бытовые предме-

ты, включенные в качестве смыслообразующих компонентов в структуру устойчивых единиц, трансформируются в языке в знаковые культурные элементы, отражающие мифопоэтические, обрядовые и ценностные установки, которые влияют на формирование культурной идентичности. Веник как носитель культурной информации позволяет выявить посредством лингвокультурологического анализа паремий ряд репрезентативных особенностей народного мышления, а сравнительное изучение символики веника в русской и китайской лингвокультурах дает возможность обнаружить как универсальные культурные механизмы осмысления повседневности, так и уникальные черты, присущие каждой из национальных традиций.

Материалом исследования послужили китайские и русские паремии с компонентом *веник*, извлеченные методом сплошной выборки из лексикографических источников и паремиологических изданий, а также труды, посвященные вопросам этнолингвистики, мифопоэтики, фольклористики и лингвокультурологии. Особое внимание уделено сопоставлению русских лексем «веник», «метла», «помело» и их китайских эквивалентов 扫帚 (saozhou), 笤帚 (tiao zhou), 扫把 (saoba) – букв. ‘метла’, функционирующих в системе устойчивых выражений, порождающих национальные культурные стереотипы. Отбор источников осуществлялся с учетом необходимости репрезентативного охвата как бытового, так и символического употребления этих единиц. В ходе работы использовались методы дефиниционного и семантического анализа, позволяющие рассматривать язык как инструмент ментальной репрезентации культуры и обеспечивающие нахождение лингвокультурологической информации. Наряду с ними применялись методы сопоставительного анализа, направленного на выявление типологических различий и сходств восприятия веника в двух культурах, а также интерпретативный и описательный методы. Такой комплексный подход позволяет всесторонне раскрыть многозначную природу веника как культурного знака и установить его место в системе традиционного мировоззрения.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Исследование веника как символа в русской и китайской традициях способствует расширению представлений о роли бытовых предметов в формировании и трансляции культурных смыслов. Лингвокультурологический анализ устойчивых единиц различных классов с компонентом

веник обогащает понимание традиционной картины мира и дает основания для более глубокого изучения универсалий и выявления их уникальных черт, определяющих специфику культурной символики окружающих человека предметов.

Значимым в культуре разных народов бытовым предметом, характеризующим культурный код, является веник –

«связка веток, прутьев с листвою, для парки в бане, для подметания пола, чистки платья; связка стеблей травянистых; пучок мелких и долгих древесных стружек, для sprыска белья, цветов» (ТСД 1: 331).

Его символическое значение в русской культуре определено прежде всего хозяйственным назначением, так как это утилитарный предмет, предназначенный для уборки. Веник ассоциируется не только с чистотой в доме и во дворе, но и с обрядом очищения человеческой души, поскольку на Руси было достаточно распространено его применение в банных обрядах. Однако использование веника для поддержания порядка в доме влечет за собой его соприкосновение с мусором, что рождает дихотомию «чистота – нечистота» и делает этот хозяйственный предмет символом, связанным не только с физическим, но и с духовным очищением. Кроме того, на основании существующих народных представлений *веник* – «атрибут мифологических персонажей, орудие порчи и колдовства и в то же время оберег от них, средство избавления от порчи, сглаза, болезней, орудие отгона злых духов» [1: 307], в связи с чем он становится важным элементом ритуала и магического мышления. По мнению В. Н. Страусова, с утилитарными функциями связана «первичная семантика» веника, а «социокультурные, символические значения, корреспондировали с ритуальным использованием» [4: 44].

Л. Н. Виноградова и С. М. Толстая, размышляя об артефактах, созданных человеком и используемых им в повседневности, говорят о наличии у них первичного обиходного значения и вторичного – культурного (символического). По мнению исследователей, мифологизация свойств метлы делает ее

«одновременно и “демоническим”, опасным предметом, ипостасью, локусом, атрибутом мифологических персонажей, орудием порчи и колдовства, и в то же время – оберегом от них, средством избавления от порчи, сглаза, болезней, орудием отгона злых духов» [1: 7].

На основании анализа работы можно заключить, что веник в народном сознании обладает несколькими функциями, на которых остановимся далее.

Утилитарная функция объясняет назначение предмета в быту и становится основой его «символического осмысления и ритуального использования» [1: 7]; ритуальная функция включает в себя функцию очищения, отгонную и лечебную функции, которые соответственно дают возможность воспринимать «веник как оберег и орудие отгона нечистой силы», они вытекают «из магического осмысления самого действия выметания как удаляющего, изгоняющего» [1: 12] и прослеживаются в ритуалах, поскольку веник «активно использовался при лечении болезней» [1: 16]. Сами исследователи заключают, что отгонную, очистительную, защитную, лечебную и «благодетельную» (благоприятствующую чему-либо) функции можно свести к одной «глубинной» функции: отгона, уничтожения злых сил [1: 32].

В. Н. Страусов добавляет к вышеперечисленным культурную, деструктивную и продуцирующую функции, которые мы считаем не менее важными в определении символической роли веника в русской культуре. Так, культурная функция «формируется на основе удаления нечистоты и осмысления самого действия как орудия нечистой силы против нее самой» [4: 45], деструктивная функция базируется на основе контакта веника с мусором и демонстрирует его разрушительные последствия,

«в основе продуцирующей функции, магической силы метлы приумножать урожай, плодovitость животных лежит все та же способность противостоять действию злых сил, препятствующих благополучию» [4: 45].

Сакральное значение веника рождается при уборке дома, которой русские хозяйки придавали большое значение, особенно накануне христианских праздников: Рождества, Масленицы, Пасхи, Троицы. Исходя из особенностей русского менталитета, можно заключить, что веником выметалась не только пыль, но и негативная энергия, избавляющая дом от беды и болезней. При этом было важно, чтобы в доме убиралась одна хозяйка, о чем свидетельствует примета *Разными вениками мести – богатство разойдется по углам* (СРСЗПП: 55), в противном случае семье грозит бедность и несчастья. Кроме того, не допускалась уборка в момент приготовления пищи, потому что можно было вымести счастье, благополучие: *Когда хлеб печется, не мети веником избы: спорину выметешь* (СРСЗПП: 55) («Спорина – успех, удача, выгода, прибыль» (ТСД 4: 296)). Деструктивная функция веника просматривается в примете *В покое, где лежит покойник, не метут до выноса его. Сор при покойнике вымести – всех из дому выносить* (ПРН 2: 376). Запрет на уборку дома при умершем пророчит

несчастья для всей семьи, однако, согласно народным представлениям, беда ждет человека, если он убирается после захода солнца или отъезда гостей. Об этом же предупреждают компоненты устойчивых единиц, ассоциативно связанные с областью применения веника. Например, *Когда солнце закатилось, не бросай сор на улицу: пробросась* (ПРН 2: 384). Лексема *сор* напрямую связана с назначением веника, а глагол *пробросась* носит просторечный характер и указывает на возможность навредить себе, принести ущерб вследствие неосмотрительного поведения. Таким образом, бытовое использование веника связывается с сакральными представлениями о нем носителями русской культуры.

Важно качество веника, его местоположение в доме, внешний вид, способы использования. Считалось, что *Новая метла хлеско метет* (ТСД 2: 322). Интересно лексическое значение наречия *хлеско*. Так, В. И. Даль определяет его происхождение от адъектива *скользкий*, то есть «не дающий опору ногам и рукам, на чем скользишь, что скользит из рук» (ТСД 4: 202), значит, новый веник не очень удобен при уборке дома, поскольку может выскользнуть из рук либо, наоборот, легко перемещается по поверхности. Другое значение привносит компонент *новый* в паремию *Новая метла по-новому метет, а как сломается – под лавкой навалется* (БСРП: 532). Символизм лексемы *веник* выходит здесь за рамки бытового аспекта и приобретает социальную значимость. В таком контексте он выступает символом хозяина или нового руководителя, который навязывает свои условия развития организации, устанавливает иные порядки, разрушая сложившиеся устои. Однако вторая часть выражения предупреждает о возможных негативных последствиях: такой тип правления будет неэффективным, а излишнее самоуправство ждет наказание.

Абсолютно иное значение рождает компонент *новый* в устаревшем фразеологизме *До новых веников* (ФСРЛЯ: 53), который имеет значение «очень долго помнить, не забывать угрозу, наказание» и обладает в словаре пометой *экспрес.* Обращение к лингвокультурологическому анализу позволяет объяснить трактовку данного выражения: заготовка веников для бани на Руси обычно происходила один раз в год, в период после Троицы и до Ильина дня, поскольку считалось, что березовый лист к этому времени становился крепким. Следовательно, в буквальном смысле помнить об обиде можно было в течение года, пока не подойдет новый срок сбора березовых веток.

Разница в символическом значении веника проявляется в дихотомии *новый – старый*. Ис-

ходя из анализа лексического материала, можно заключить, что старый веник выступает положительным символом, выполняющим защитную функцию. Возможно, так происходит из-за того, что он становится непригодным для уборки, а значит, не контактирует с нечистой силой, становится опасен для нее своей энергетикой. Так, *При пожаре обходят со старым веником дом* (СРСЗПП: 67), защищая его от новой беды; *Когда корову ведут на случку, ее погоняют старым березовым веником или бьют им, чтоб она «погуляла»* (СРСЗПП: 67) и принесла приплод, а вместе с ним достаток; *Чтобы хорошо выпекался хлеб, на припечке жгут старый веник, бьют им по дну дежи* (СРСЗПП: 67), ожидая сытную трапезу, также необходимо поступать при сбитии масла: *Если масло плохо сбивается, маслобойку надо бить старым веником или подложить веник под нее* (СРСЗПП: 67). Повторение глагола *бить* в приведенных приметах подтверждает предположение о том, что веником изгоняют нечистую силу, препятствующую достижению хорошего результата. В этом проявляется продуцирующая функция веника, а сам он выступает в качестве оберега. Стоит отметить, что возможные действия с веником при ритуалах передают разные глаголы (*бросать, подвязывать, втыкать, класть, расчищать* и др.), но результат ожидается одинаковый. Например:

Чтобы куры держались своего дома, на чердак по праздникам забрасывают веник. Для защиты цыплят от хищных птиц подвязывают веник и старый лапоть на угол дома. Старый веник втыкают в грядки с чесноком, капустой, огурцами, в поля растущего льна, ржи, чтобы уберечь их от порчи и стихийных бедствий. Чтобы защитить свадебный поезд от порчи, дорогу расчищают веником. При первом выгоне скота подкладывают веник под порог, трут им корову, кропят скот водой с веника (СРСЗПП: 67).

Веник в приведенных паремиях выступает магическим символом, имеющим важное значение в обрядовой практике, при этом «разнообразные действия с веником могут быть позитивными или негативными, т. е. предписываемыми, реально совершенными в обряде или запрещаемыми» [1: 31–32].

Изученный лексический материал позволяет выделить гендерные различия в использовании веника. Встречающаяся в паремиях синонимическая пара *веник – метла*, на наш взгляд, неслучайна. Веник – предмет обихода, который используют женщины для уборки дома, где они являются хозяйкой. В свою очередь метла необходима для наведения порядка во дворе – территории, где главенствует мужчина. Так, если веник растрепался, это сулит несчастье хозяйке:

Распрепался – хозяйке битой быть (СРСЗПП: 65). В примете содержится прямое указание на пол пользователя, с чьим трудом связывается применение домашней утвари. При этом в примете *Метла перед лавкой: хозяйина нет* (ТСД 2: 322) подчеркивается гендерная принадлежность владельца инструмента, который в настоящий момент не используется.

Особое внимание стоит уделить анализу устойчивых единиц, связанных с баннным веником, в которых реализуется его очистительная функция и содержится указание на «положительную аксиологическую маркировку» [4: 51]. Баннный веник – символ очищения тела и духа, для его изготовления использовались «ветки зеленой здоровой березы, на которой “не сидела кукушка”», а в плачах невесты его называли «зеленым и шелковым»¹. Баннный ритуал с веником ассоциировался с обновлением, возрождением, избавлением от грехов и болезней, о чем говорит пословица *Баня здоровит, разговор – веселит* (БСРП: 33).

Социокультурные коннотации банного веника как символа различны. В паремиях его бытовая значимость и доминирующее начало прослеживаются в сравнении с начальником, командиром, господином, то есть существительными (понятиями), объединяющей семьей которых можно считать ‘главный, главенствующий’:

Баннный веник и царя старше [коли царь парится] (БСРП: 112); *Веник в бане – всем господин* (БСРП: 112); *Веник в бане всем начальник* (ТСД 1: 331); *Веник – баннный командир, всех побил и царю не спустил* (ТСД 1: 331); *Веник в бане господин, или наибольший* (ТСД 1: 331).

Кроме того, прямое указание на избавление от болезней несет компонент *лекарь* в выражении *Баннный веник – главный лекарь* (информант Е. К. Амелина, 1933 г. р.). Сила его действия актуализируется как материальными, так и бытовыми символами ценности, которые входят в состав сравнений *дороже денег и что стол без соли* в паремиях *В бане веник – хозяин, в печи – кочерга* (БСРП: 32); *В бане веник дороже денег; Баня без веника – что стол без соли* (информант Е. К. Амелина, 1933 г. р.).

Помимо лексем *веник* и *метла* в рассматриваемый синонимический ряд входит существительное *помело* – «пук мочал или тряпья, ветоши или хвойника для обмета печного поду, под посадку хлебов» (ТСД 3: 271). В русской фольклорной традиции это предмет, на котором «обычно летают ведьмы, колдуньи, босорки, стриги»²: *Ведьма в ступе поедет, пестом упирает, помелом след замечает* (ТСД 3: 271). Такое представление объясняет отрицательную коннотацию лексемы *помело* при языковом использовании:

на метафорическом переносе построены такие устойчивые единицы, как: *Языком, что помелом водит, Бабий язык – чертово помело, Не язык, а помело* (ТСД 3: 271). Объяснение их значения схоже: речь идет о болтливом человеке, склонном к вранью и склокам, что в восприятии людей ассоциируется с нечистотами, словесным мусором. Усиливается негативная экспрессия в паремии *Бабий язык – чертово помело: выметет из дому и хитреца, и мудреца* (БСРП: 1012) за счет гендерного маркера *бабий* и компонента *чертово*, то есть излишне болтливая женщина связывается в народном сознании с нечистой силой, способной к сглазу и порче.

Деструктивная функция компонента *помело* прослеживается в приметах *Через помело шагать – тяжело детей родить* (СРСЗПП: 65), *На помело не ступай – судороги потянут* (СРСЗПП: 67). Разрушительное действие сопряжено с болезнью и возникающими последствиями вследствие контакта с веником, что свойственно и обрядовым ритуалам различной направленности: от свадебной до похоронной. Однако с помелом в редких случаях связывается и продуцирующая функция, например, в погодной примете *Во время града выкинь помело во двор – град пройдет* (ТСД 3: 271). Л. Н. Виноградова и С. М. Толстая отмечают, что локативная характеристика веника может быть представлена «многообразными типами локусов размещения или выбрасывания»: от так называемых пограничных зон (угол дома, печь, окно, двор и др.) до глухих, отдаленных мест (оврагов, ям, границ села), до точек верхнего пространства (чердак, крыша, дерево и др.) [1: 30]. Например:

Для останковки дождя или отгона тучи выбрасывают из дома веник, часто с хлебной лопатой, кочергой и т. п.; забрасывают метлу и кочергу на крышу; Во время засухи веники применяются для вызывания дождя: бросают в колодец сухой веник или разбрасывают прутья от веника на перекрестке (СРСЗПП: 67).

Особую опасность несет старый веник, уже непригодный для использования – голик – «голый веник, без листвы» (ТСД 1: 331). Такому венику «приписывалась особая “нечистота”, он подлежал ритуализированному уничтожению, удалению за пределы “своего” пространства, туда, где не ступает нога человека и скотины»³. В примете *Голик, встретившийся на свадебном пути, опасен для благополучия молодых, особенно если поставлен на дороге вниз комлем, стоямя* подчеркивается значимость положения веника: *вниз комлем* – нижней, толстой частью веника, за которую его держат при использовании, а в примете *Если под печью лежит голик или си-*

дит лягушка, то хлебы испортятся (СРСЗПП: 66) указывается на его нежелательное местонахождение в доме. Деструктивным значением обладает примета *Голиком подметать лавки – раздор в семье живёт* (БСРП: 186), предупреждающая о постоянном неблагополучии в доме, где используют старый веник.

Веник как универсальная бытовая вещь является национально-маркированным предметом и в каждой культуре имеет различные механизмы надления его определенным символическим значением, зависящим от совершаемых им или с его помощью действий, соотношением с окружающим миром и внешними обстоятельствами. В представлениях древних китайцев образ метлы оказывается тесно связан с образом женщины, что находит отражение в графическом изображении иероглифа 帚 (букв. 'метла'). Об этом свидетельствуют *цзягувэнь* – гадательные надписи на костях и черепаших панцирях [7: 113]. Так, анализируя этимологию иероглифа 帚 (букв. 'метла'), Чэнь Сяофан отмечает, что в *цзягувэнь* он фактически представляет собой пиктограмму, изображающую женщину с распущенными волосами, одетую в роскошные одежды, и является исконным вариантом иероглифа 婦 (婦) (букв. 'женщина'), и только в более поздних письменных источниках, начиная с эпохи династии Чжоу, иероглиф 帚 (букв. 'метла') стал использоваться в качестве заимствования для обозначения метлы [6].

В китайской культуре 扫帚, 笤帚, 扫把 (букв. 'веник') – это не просто предмет для уборки, но и многозначный символ, объединяющий утилитарную, ритуальную и мифологическую функции. В отличие от русской традиции, где веник может ассоциироваться как с нечистой силой, так и с хранителем чистоты, в китайском менталитете метла воспринимается скорее как инструмент упорядочивания мира: при помощи этого необходимого в быту предмета можно не только убрать комнату, но и навести порядок в государстве. Об этом свидетельствуют устойчивые единицы, функционирующие в китайском языке.

Метла в китайской национальной картине мира в первую очередь выступает в качестве символа личной ответственности и порядка. Так, китайская пословица *一屋不扫, 何以扫天下* – букв. 'Если в комнате не подметено, как навести порядок в Поднебесной?'⁴ подчеркивает значимость метлы в морально-этическом значении: наведение порядка в личном пространстве становится метафорой государственного управления. Следует отметить, что, хотя компонент *метла*

в паремии отсутствует, употребляется его дериват – причастие *не подметено*, являющееся смысловым центром выражения. Объяснение подобного метафорического переноса находится в исторических источниках и отчасти объясняется словами Мао Цзедуна в работе «Обстановка и наша политика после победы в войне против Японии» (1945): «Все реакционное, если ты с ним не борешься, не падет. Это как пыль на земле. Если не подметешь, то пыль сама собой не исчезнет»⁵. Под пылью стали подразумевать все реакционные явления, а сама фраза означает необходимость активной борьбы с реакционными силами, недопустимость уклонения и компромиссов. Таким образом, пресуппозитивные знания помогают правильно толковать данную единицу и ее символическое значение.

Необходимость активного действия для достижения результата иллюстрирует пословица *不动笤帚地不光* – букв. 'Если не помахать метлой, чисто не станет'⁶: без наведения порядка ни одно дело не сдвинется с места ни в прямом смысле – на бытовом уровне, ни в переносном – на уровне общественной деятельности.

В китайском народном мировоззрении метла становится своеобразным социальным символом, олицетворяющим жизнь простых людей. Метафорой о соответствии своей паре можно считать паремии *花对花, 柳对柳, 破粪箕相对烂扫帚* – букв. 'Цветок к цветку, ива к иве, дырявая корзина для навоза – к драной метле'⁷. Первая часть содержит фитонимические образы, возникающие за счет гармонизирующих компонентов *цветок* и *ива*, создающих пары; во второй части образуется бытовой союз, демонстрирующий отношения в простом, полном обычных предметов мире, который символизируют компоненты *корзина* и *метла* в сочетании со стилистически сниженными прилагательными *дырявая* и *драной*. В паремии прослеживается не только ироничное отношение к социальным различиям: не обязательно быть прекрасным или благородным, чтобы жить с кем-то в гармонии, но и народная мудрость, утверждающая, что всё в мире стремится к соответствию, пусть даже на своем уровне.

О значимости метлы в китайской культуре говорят существующие национальные праздники, одним из которых является древний ханьский народный праздник *扫帚生日* – букв. 'День рождения метлы, отмечаемый в первый день лунного года во многих регионах страны'. В это время, подобно русским традициям, повсеместно запрещается пользоваться метлой, чтобы не вымести из дома удачу и не прогнать бога богатства.

В этот день мифологизированное существо 扫帚星 – букв. ‘звезда-метла’, ассоциируемое в народном представлении с кометами и несчастьями, может навлечь беду, особенно если в доме царит беспорядок⁸. В подобном восприятии метлы просматривается мифологическая функция веника.

В переносном смысле выражение 扫帚星 – букв. ‘звезда-метла’ используется для уничижительного наименования женщин, приносящих несчастья, и считается бранным. Ассоциативная схожесть кометы с хвостом метлы, направленным в противоположную от Солнца сторону, породило в народном представлении подобное название. Сверхъестественное для древних китайцев происхождение комет рождало в них суеверия, что находит подтверждение в литературных источниках:

«Головастая звезда своим светом озаряет землю, предвещая наводнения и вторжения иноземцев в Китай... Другое название – метла... Негоже видеть эту звезду, ибо ее появление влечет за собой беды» [5: 112].

Если считалось, что кто-то может принести неудачу или вызвать катастрофу, его проклинали, называя звездой-метлой. Отсюда становится понятна деструктивная функция метлы в запретах, связанных с детьми. Так, предупреждение, заключенное в устойчивом выражении 禁坐扫把 – букв. ‘Не садись на метлу’⁹, подразумевает возможность при контакте с предметом навлечь на себя болезни или разгневать злых духов, поскольку она используется для уборки мусора и соприкасается с негативной энергией злых духов. Становится очевидным, что это в большей степени касается девочек, поскольку нарушение запрета может сделать их «звездой-метлой» – женщиной, приносящей несчастья.

Противоположное символическое значение метлы рождается в образе Сяо Цинь Нянь – китайской богини погоды, «Дамы с метлой» [8: 235]. В периоды затяжных дождей крестьяне вешали бумажную метлу на ворота, призывая солнце и прекращение осадков [8]. Таким образом, метла ассоциировалась с контролем над природными силами и выступала символом восстановления равновесия. В таком восприятии метлы просматривается ее продуцирующая функция.

В целом для китайского фольклора свойственно наделение метлы чертами живого существа, что находит отражение во многих устойчивых единицах. Например, *sehouyiyou* 扫帚戴草帽 – 混充人、装人样 – букв. ‘Метла в шляпе – за человека сойдет’¹⁰ обозначает пустую попытку выдать нечто за человека, а *sanshouchengjing* – 好了不起、天下奇闻 – букв. ‘Метла ожила – неслыханное дело’¹¹

символизирует нечто невероятное, почти сверхъестественное.

В китайских выражениях метла, реализуя деструктивную функцию, выступает как орудие изгнания и наказания, что вербализируют употребляемые в устойчивых единицах глаголы: 扫帚赶客 – 不留情面 – букв. ‘Метлой отваживать – беспощадно выгонять’ означает демонстративное и резкое выдворение; 扫帚当掸子 – 拈不住轻重 – букв. ‘Метлой пыль выбивать’ – тяжести не чувствовать¹² содержит критику грубого подхода к делу без чувства меры. Однако в некоторых устойчивых единицах метла становится символом, наделенным положительной коннотацией. Например, во фразеологизме 敝帚自珍 – букв. ‘Беречь старую метлу, потому что она своя’¹³ компонент *метла* становится олицетворением значимых для человека вещей, а устойчивая единица означает чрезмерную привязанность к ним, даже если они бесполезны. Стоит отметить, что в русском языке обнаруживаются паремии с синонимичным значением: по отношению к рассматриваемому китайскому выражения аналогом является пословица *Старая метла – под лавкой не валяется* (информант Е. К. Амелина, 1933 г. р.), где старая метла символизирует опытного работника, который всегда будет востребован.

Как и в русском языке, в китайском символическую нагрузку несет противопоставление старой и новой метлы. Если новая метла – символ перемен и обновления, то старая – показатель привычного, проверенного. Выражение 敝帚千金 – букв. ‘Ветхая метла – тысяча золотых’¹⁴ критикует привязанность к ненужным вещам, однако подчеркивает субъективную ценность старого, пусть непривлекательного по внешнему виду предмета.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, на основании проведенного анализа паремий с учетом лексико-семантических, культурологических и фольклорных аспектов, связанных с образом веника в русской и китайской культуре, можно заключить, что он выступает не просто как утилитарный предмет, а как сложный культурный символ – носитель ритуальных и мифологических значений, сочетающий в себе как очищающую, так и разрушительную силу. Несмотря на существующую разницу в его восприятии в обеих традициях, веник, рождая дихотомию чистота – нечистота, оказывается своеобразным маркером перехода от беспорядка к упорядоченности, от нечистоты – к сакральной чистоте.

В русской культуре веник приобретает амбивалентную символику: с одной стороны, он традиционно ассоциируется с домом, женщиной-хозяйкой и охраной домашнего очага, при этом используется в обрядах очищения, изгнания злых духов, привлечения плодородия, защиты урожая и домашнего скота, с другой – его контакт с нечистотами делает его потенциально опасным. В китайской культуре образ метлы больше связан с морально-этическими и государственными установками: это в первую очередь символ личной ответственности, социальной дисциплины и управленческого начала, что делает метлу ме-

тафорой общественного устройства и орудием нравственного самоконтроля. Общим для обеих культур можно считать мифологизацию рассматриваемого бытового предмета. В России веник может быть атрибутом ведьмы, средством порчи и одновременно защитником от нее. В Китае схожую роль выполняет «звезда-метла», символизирующая несчастья. Однако китайская традиция часто наделяет метлу чертами живого существа, в то время как в русской культуре антропоморфизация выражена слабее, но веник, наделенный сакральной силой, активно включается в обрядовую практику как предмет действия.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Виноградова Л. Н. Морозов И. А. Веник банный // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 1: А – Г. Институт славяноведения РАН. М.: Международные отношения, 1995. С. 313.
- ² Виноградова Л. Н., Толстая С. М. Веник // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 1: А – Г. Институт славяноведения РАН. М.: Международные отношения, 1995. С. 308.
- ³ Там же.
- ⁴ Вэнь Дуаньчжэн. Большой словарь китайских пословиц: В 2 ч. Ч. 1. Шанхай: Шанхайское лексикографическое изд-во, 2004. С. 1214.
- ⁵ Ван Фэн. Серия «Культурный Чуньянь»: Предметы старины из Чуньяня. Пекин: Современное издательство, 2024. С. 60.
- ⁶ Вэнь Дуаньчжэн. Большой словарь китайских пословиц: В 2 ч. Ч. 1... С. 47.
- ⁷ Там же. С. 369.
- ⁸ Чэнь Циньцзянь Малый словарь китайских обычаев. М.: Шанхайское словарное издательство, 2008. С. 18.
- ⁹ Пэн Сыли. Словарь народности туцзя в Сянси. М.: Народное издательство Хунани, 2015. 1040 с.
- ¹⁰ Чжао Жань. Полное собрание пословиц и поговорок: В 4 т. Т. 4. М.: Изд-во Линьцзянь, 2016. С. 1402.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же.
- ¹³ Чжан Инпэй. Словарь китайских идиом. М.: Хух-Хото: Изд-во Внутренней Монголии, 2002. С. 41.
- ¹⁴ Там же.

СПИСОК СЛОВАРЕЙ

- СРСЗПП* – Грушко Е. А., Медведев Ю. М. Словарь русских суеверий, заклинаний, примет и поверий. Н. Новгород: Русский купец и Братия славяне, 1995.
- ПРН* – Даль В. И. Пословицы русского народа: Сборник: В 2 т. Т. 2. М.: ТЕРРА: «Книжная лавка – РТР», 1996.
- ТСД* – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Рус. яз., 1998.
- БСПП* – Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010.
- ФСРЛЯ* – Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVII – XX вв. / Под ред. А. И. Федорова. М.: Топикал, 1995.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградова Л. Н., Толстая С. М. Символический язык вещей: веник (метла) в славянских обрядах и верованиях // Символический язык традиционной культуры / Балканские чтения – II. Отв. ред.: С. М. Толстая, И. А. Седакова. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1993. С. 3–36.
2. Каннингем С. Магия в вашем доме. М.: АСТ, 1997. 200 с.
3. Ломакина О. В. От языкового символа – к символике художественного текста // Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки». 2017. Т. 8, № 3. С. 205–207.
4. Страусов В. Н., Заврумов З. А., Моногарова А. В. Языческий ритуальный код «метла» и его социокультурные коннотации в современном русском языке // Университетские чтения – 2023: Материалы регион. межвуз. науч.-практ. конф. Часть III. Пятигорск: ПГУ, 2023. С. 44–53.
5. 黄新宇. 俗语钩沉. 深圳: 海天出版社, 2016. 253 页. [Хуан Синьюй Исследование пословиц и поговорок. Шэньчжэнь: Хайтяньское издательство, 2016. 253 с.]

6. 陈筱芳帚字新解. 西南民族大学学报(人文社会科学版), 2004 (3). 411–414 页. [Чэнь Сяофан Иероглиф “метла”: К вопросу о современной интерпретации // Вестник Юго-Западного университета национальностей (серия: Гуманитарные и социальные науки). 2004. № 3. С. 411–414.]
7. 杨琳. 扫帚的起源与礼俗. 文化学馆, 2006 (1). 113–116 页. [Ян Линь. Метла: происхождение и традиции // Культурологический альманах. 2006. № 1. С. 113–116.]
8. Chamberlain J. Chinese gods: An introduction to Chinese folk religion. Hong Kong; London, 2009. 237 p.

Поступила в редакцию 14.08.2025; принята к публикации 19.01.2026; дата публикации 31.03.2026

Original article

Olga V. Lomakina, Dr. Sc. (Philology), Professor, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (Moscow, Russian Federation)

ORCID 0000-0003-0298-5678; lomakina-ov@rudn.ru

Aihui Wu, Postgraduate Student, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (Moscow, Russian Federation)

ORCID 0009-0008-8769-2316; wuaihui123@gmail.com

THE BESOM AS A CULTURAL SYMBOL: A LINGUOCULTURAL STUDY OF RUSSIAN AND CHINESE PROVERBS

Abstract. The article focuses on the linguocultural analysis of paremias in both Russian and Chinese that feature the component *venik* (Russian for “besom”), with the aim of identifying the symbolic functions and cultural code associated with the besom as an artifact widely employed in everyday life. The analysis is conducted from the perspectives of linguoculturology and ethnoculturology, enabling the identification of cultural information, ritual significance, and sacral functions reflected in the selected paremias. The research material comprises the authors' own card index, compiled through a comprehensive sampling of paremias from lexicographical and paremiological resources. The methodology includes definitional, semantic, and linguocultural analysis, complemented by interpretive and descriptive methods. The results of this research demonstrate that the besom, as a common household object, possesses functional polysemy. It manifests as an artifact imbued with multiple layers of meaning, ranging from its purely utilitarian function (cleaning) to destructive, magical, productive, protective, and axiological roles. The analysis examines established folklore traditions in Russia and China, in which the besom is associated with concepts such as order and disorder, good and evil, health and illness, and life and death. A parallel examination of Chinese material enables a transcendence of national limitations, revealing universal cognitive mechanisms underlying the symbolization of the besom as a pivotal element in the articulation of cultural values, spanning from personal accountability to cosmic order.

Keywords: phraseological unit, proverb, Russian culture, Chinese culture, besom, linguocultural analysis

For citation: Lomakina, O. V., Wu, Aihui. The besom as a cultural symbol: a linguocultural study of Russian and Chinese proverbs. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(3):17–25. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1296

REFERENCES

1. Vinogradova, L. N., Tolstaya, S. M. The symbolic language of things: the broom in Slavic rituals and beliefs. *Symbolic language of traditional culture. Balkan Readings – II*. (S. M. Tolstaya, I. A. Sedakova, Eds.). Moscow, 1993. P. 3–36. (In Russ.)
2. Cunningham, S. The magical household. Moscow, 1997. 200 p. (In Russ.)
3. Lomakina, O. V. From a linguistic symbol to the symbolism of a fiction text. *Izvestia Vyssih Uchebnyh Zavedenij. Seria “Gumanitarnye Nauki”*. 2017;8(3):205–207. (In Russ.)
4. Strausov, V. N., Zavrumov, Z. A., Monogarova, A. V. The pagan ritual code “broom” and its socio-cultural connotations in the modern Russian language. *University Readings – 2023: Proceedings of the regional interuniversity scientific and practical conference*. Part III. Pyatigorsk, 2023. P. 44–53. (In Russ.)
5. 黄新宇. 俗语钩沉. 深圳: 海天出版社, 2016. 253 页.
6. 陈筱芳帚字新解. 西南民族大学学报(人文社会科学版), 2004 (3). 411–414 页.
7. 杨琳. 扫帚的起源与礼俗. 文化学馆, 2006 (1). 113–116 页.
8. Chamberlain, J. Chinese gods: An introduction to Chinese folk religion. Hong Kong; London, 2009. 237 p.

Received: 14 August 2025; accepted: 19 January 2026; published: 31 March 2026